

Твой локон не свивается в кольцо,
и пальца для него не подобрать
в стремлении очерчивать лицо,
как ранее очерчивала прядь,
в надежде, что нарвался на растяп,
чьим помыслам стараясь угодить,
хрусталик на уменьшенный масштаб
вниманья не успеет обратить.

Со всей неумолимостью тоски,
с действительностью грустной на ножах,
подобье подбородка и виски
большим и указательным зажав,
я быстро погружаюсь в глубину,
особенно устами, как фрегат,
идуший неожиданно ко дну
в наперстке, чтоб не плавать наугад.

По горло или все-таки по грудь
хрусталик погружается во тьму,
но дальше переносицы нырнуть
еще не удавалось никому.
Какой бы ни почувствовал рывок
надежды, но (подальше от беды)
всегда серо-зеленый поплавок
выскакивает к небу из воды.

Ведь каждый, кто в изгнании тосковал,
рад муку, чем придется, утолить
и первый подвернувшийся овал
любимыми чертами заселить.
И то уже удваивает пыл,
что в локонах покинутых слились
то место, где их Бог остановил,
с тем краешком, где ножницы прошлись.

Ирония на почве естества,
надежда в ироническом ключе,

колеблема разлукой, как листва,
как бабочка (не так ли?) на плече:
живое или мертвое, оно,
хоть собственными пальцами творим, —
связующее легкое звено
меж образом и призраком твоим.

май 1964